

EHRAC

Бюллетень

В партнерстве с Правозащитным центром «Мемориал», Ассоциацией молодых юристов Грузии и Союзом «42 Статья Конституции»

От редактора

Уже прошло сорок лет со времени Стоунволльских бунтов в Нью-Йорке, а десять лет назад гомосексуальность была исключена из списка психических расстройств в Российской Федерации. Тем не менее, гей-сообщество России по-прежнему испытывает проблемы, о которых рассказывает Николай Алексеев (руководитель правозащитного ЛГБТ-проекта GayRussia и главный организатор гей-парада в Москве), – в первую очередь это трудности и дискриминация, связанные с правом на свободу собраний. Также в этом номере юрист EHRAC-«Мемориал» Баканай Гусейнова откровенно пишет о продолжающихся насильственных исчезновениях в Дагестане и о попытках подачи дел в Европейский

Суд по правам человека в качестве средства получить возмещение за недостатки или полное отсутствие расследования этих случаев в регионе. Татьяна Черникова, юрист EHRAC-«Мемориал», пишет на аналогичную тему. В свете рекомендации присоединиться к факультативному протоколу Конвенции против пыток, данной России Советом ООН по правам человека, она рассматривает некоторые правовые и практические проблемы, возникшие в ходе защиты «нальчикских арестантов» в Кабардино-Балкарии, которые утверждают, что подвергались пыткам под стражей. Еще один юрист EHRAC-«Мемориал» Григор Аветисян рассматривает сложный вопрос о мониторинге эффективного

раскрытия материалов властями Российской Федерации в делах, рассматриваемых Европейским Судом. Что касается ситуации в Грузии, то Кетеван Абашидзе, юрист проекта EHRAC-GYLA, рассказывает о регулировании подслушивания телефонных разговоров в свете новейших прецедентов Европейского Суда. Фуркат Тишаев (юрист EHRAC-«Мемориал») продолжает начатое нами ранее исследование правовых последствий южноосетинского конфликта 2008 г., рассматривая проблемы, поднимаемые жалобой Грузии против России, которая была подана в Международный Суд ООН.

Джоанна Эванс,
старший юрист, EHRAC

Ключевая роль представителей сексуальных меньшинств в борьбе за свободу собраний в России

Николай Алексеев, руководитель правозащитного ЛГБТ-проекта GayRussia. Ru; главный организатор гей-парада в Москве

В 2009 г. отмечается 40-я годовщина так называемых Стоунволльских бунтов – спонтанных выступлений гей-сообщества против полицейской облавы в Нью-Йорке. Эта дата, когда представители сексуальных меньшинств

начали протестовать против преследования их полицией, нередко считается началом движения за права сексуальных меньшинств.

В 70-е годы активисты гей-движения по всей Европе и в США начали проводить на улицах марши за права сексуальных меньшинств. Самые первые гей-парады, проведенные в честь годовщины Стоунволльских бунтов,

Содержание

От редактора	1
Ключевая роль представителей сексуальных меньшинств в борьбе за свободу собраний в России	1
Хроника нераскрытых преступлений	3
Нераскрытие материалов и запросы в соответствии с Правилom 33 в делах ЕСПЧ, касающихся ситуации на Северном Кавказе	5
Политически мотивированные злоупотребления системой уголовной юстиции в государствах-участниках Совета Европы	7
Грузинско-российский конфликт: испытание для Международного Суда ООН	7
Прослушивание телефонных разговоров в Грузии: аспекты, вызывающие беспокойство	9
Всеобщий периодический обзор Совета ООН по правам человека: Российская Федерация	11
Судебные дела по правам человека	12
Нальчик: нерасследование заявлений о применении пыток	18

прошли в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке 28 июня 1970 г. 1 июля 1972 г. в Лондоне состоялся первый в Европе гей-парад. Геям было позволено пройти по улице с требованиями предоставить им равные права, в то время как в других странах, гомосексуальные акты все еще были запрещены законом.

За последние годы Европа продвинулась далеко вперед. В нескольких странах ЕС гомосексуалам было предоставлено полное равноправие – так, они получили право на вступление в брак и усыновление. В еще одной группе стран им были предоставлены частичные права, например, возможность создания гражданских однополых союзов. И наконец, последняя группа стран, в первую очередь бывших членов советского блока, лишь отменила уголовное наказание за вступление в гомосексуальные отношения. Декриминализация в России гомосексуальных отношений между мужчинами в 1993 г. часто воспринимается как обязательный шаг для вступления страны в члены Совета Европы.

Однако в странах бывшего Советского Союза переход к рыночной экономике в сочетании с тяжелым финансовым кризисом привел к тому, что любая борьба за права сексуальных меньшинств начала восприниматься как «блажь» населением, которое стремилось открыть для себя возможности общества потребления, а иногда, и просто было вынуждено бороться за выживание.

В июле 2005 г. я объявил, что в мае 2006 г. ЛГБТ-сообщество проведет свой первый в истории России марш, с требованиями предоставить равные права сексуальным меньшинствам. В декабре 2008 г. мэр Москвы заявил средствам массовой информации, что единственное ограничение, которому он намерен подвергнуть

представителей сексуальных меньшинств, касается их права проводить уличные протесты. Его отказ соблюдать ст. 31 Конституции, которая предоставляет право на объединение всем гражданам, был подкреплен жесткой критикой, направленной против сексуальных меньшинств, со стороны религиозных групп и многочисленных политических деятелей.

С 2006 г. в Москве, Тамбове и Рязани было подано 185 заявлений о проведении уличных акций по проблемам гомосексуальности. Эти заявления систематически отклоняются по различным основаниям, в частности, на основании неспособности властей гарантировать безопасность участников или их озабоченности соблюдением прав других граждан. Российские суды признали все решения о запрете уличных акций гей-сообщества правомерными.

Когда с заявлением о проведении публичных акций обращаются другие правозащитные или политические группы, власти часто отклоняют просьбу о проведении их в предлагаемом месте, однако предлагают альтернативное место проведения. В случае предлагаемых гей-акций этого не происходит. Все запреты обжалуются в местных судах и кассационных инстанциях. Во всех случаях судьи отказываются учитывать или рассматривать прецедент Европейского Суда по правам человека по делу *Бончковски и другие против Польши (Bączkowski & Others v Poland, № 1543/06, 3/5/07)*, в котором ЕСПЧ признал нарушения ст. 11 (право на свободу собраний и объединений), 13 (право на эффективное средство защиты) и 14 (запрет на дискриминацию) Европейской Конвенции. Первый запрет на проведение московского гей-парада был обжалован во всех инстанциях вплоть до Президиума Верховного Суда РФ, однако безуспешно.

17 сентября 2009 г. объединенные в одно производство жалобы на запрет проведения в Москве гей-парадов в 2006, 2007 и 2008 гг. (*Alekseyev v Russia* (№№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09)) были переданы российскому правительству, которое в срок до 20 января 2010 г. обязано ответить на вопросы, заданные ему Европейским Судом. Данное дело касается запрета на проведение 163 публичных мероприятий, и в нем утверждается о нарушении ст. 11, 13 и 14. Европейский Суд намерен рассмотреть вопросы о приемлемости и существовании данного дела одновременно, а в подготовленном им изложении фактов были особо выделены гомофобные высказывания, допущенные должностными лицами правительства Москвы. Еще три дела, направленные в Европейский Суд, касаются запрета на проведение ЛГБТ-сообществом публичных мероприятий в Тамбове и Рязани, и одно дело, в котором просьба о проведении мероприятия была направлена президенту РФ Д. Медведеву, поскольку предлагаемое место находится в его юрисдикции, ожидают передачи их правительству. Дело о разжигании ненависти со стороны губернатора Тамбовской области и еще одно дело, связанное со свободой выражения мнения, ожидают решения о приемлемости.

Подача многочисленных жалоб в рамках Европейской Конвенции представляется нам необходимой, поскольку, приводя основания для запрета гей-парадов, российские власти ссылаются на различные ограничительные основания, перечисленные в ст. 11 п. 2 ЕКПЧ. Чтобы избежать ситуации, в которой российские власти в состоянии утверждать, что одно решение ЕСПЧ в отношении конкретного ограничения не применимо ни к одному из других ограничений, перечисленных в

ст. 11, было решено обжаловать каждое, приведенное для отказа основание, в ЕСПЧ отдельно.

В 2009 г. жалоба в отношении России была направлена в Комитет ООН по правам человека. Эта жалоба касалась запрета на проведение пикета перед посольством Ирана в июне 2008 г. Эта акция имела своей целью осудить положение геев и лесбиянок в этой стране. В жалобе утверждается, что российские власти нарушили ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гарантирует каждому право на свободу мирных собраний. В своем ответе, направленном в Комитет, власти России утверждали, что, согласно этому Пакту, государство вправе запрещать проведение мероприятий по соображениям безопасности. Решение по этой жалобе ожидается в 2010 г.

Кампания борьбы за свободу собраний, начатая активистами гей-движения, распространяется не только на право проведения гей-парада, что многие в России по-прежнему считают несерьезным. Систематический отказ российских должностных лиц и российской судебной системы признать право российских гомосексуалов на

свободу собраний стал симптомом и символом нарушения прав человека в стране. Эта проблема уже не ограничивается правами сексуальных меньшинств, поскольку завтра аналогичная политика может быть использована в отношении других социальных групп или меньшинств.

Хочется надеяться, что эта кампания приведет к появлению прецедента, направленного против российских властей, что, в свою очередь, приведет к значительным изменениям к лучшему в законодательстве о публичных мероприятиях и демонстрациях. Сегодня для того, чтобы провести публичное мероприятие, приходится обращаться с уведомлением за 10-15 дней до его проведения. Если на уведомление получен отказ, то времени на обжалование этого решения в суде до запланированного мероприятия уже не остается.

В случаях отсутствия эффективных средств защиты ЕСПЧ может постановить, что российское законодательство нарушает ст. 13 ЕКПЧ. Даже если судебное слушание состоится до запланированной даты мероприятия, как было в случае с московским гей-парадом 2006 г., решение суда вступит в силу

только через десять дней, которые уж точно придется на момент после запланированной даты мероприятия.

В 1993 г. мужчинам-гомосексуалам в России было позволено вступать в сексуальные отношения. В 1999 г. гомосексуальность в России была исключена из перечня психических расстройств в соответствии с международными стандартами. В 2008 г. правительство исключило гомосексуалов из перечня лиц, которым запрещено быть донорами крови, что обеспечило им несколько лучшую, пусть и символическую интеграцию в общество. Однако в 2009 г. сексуальные меньшинства в стране до сих пор не могут пользоваться основополагающим правом на свободу собраний и объединения, что, вероятно, является наиболее важным показателем отношения к ним. До тех пор, пока это право не будет соблюдаться либо посредством приведения в исполнение решения ЕСПЧ, либо в результате изменения политики властей по отношению к ЛГБТ-сообществу, мы будем продолжать борьбу за равные права в России.

Хроника нераскрытых преступлений

Баканай Гусейнова, юрист ЕНРАС-«Мемориал» (г. Махачкала)

Статистических данных о нераскрытых случаях похищений и исчезновений в Республике Дагестан нет. А родственники похищенных и не надеются получить какую-либо информацию о своих близких. Расследования по таким делам проводятся непрофессионально, если вообще проводятся, поскольку в этих преступлениях фигурируют имена сотрудников правоохранительных органов и силовых структур. Поэтому родственникам

чрезвычайно трудно добиться возбуждения уголовных дел по фактам похищений.

В результате принятия 22 сентября 1999 г. Закона Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» число похищений увеличилось, поскольку закон легализовал борьбу против ваххабитов и предоставил спецслужбам прикрытие для их деятельности в этом направлении. В результате возросло количество жалоб, поданных в

правоохранительные органы по факту похищения родственников сотрудниками правоохранительных органов. Поначалу обстоятельства похищений представлялись правоохранительным органам достаточно невинными: сотрудники органов подходили к человеку и просили его сесть с ними в машину для того, чтобы поехать в следственную комиссию и исключить подозрения об их причастности к какому-либо преступлению. Однако домой этот человек так и не возвращался.

Родственники используют все свои связи, чтобы выяснить, куда увезли их близкого человека. В результате выясняется, что его доставили в одну из правоохранительных структур. В ответ на вопросы о том, почему и где был задержан человек, сотрудники этих органов отвечают, что его действительно привозили к ним, однако освободили меньше чем через три часа, после того как в ходе беседы с человека были сняты все подозрения.

В одном из таких случаев прокуратура Республики Дагестан сообщила матери: *«После процедуры установления личности ваш сын был освобожден из прокуратуры. У прокуратуры нет сведений о его последующем местонахождении»*. Однако в книге учета запись об этом отсутствует. Один из сотрудников прокуратуры был дальним родственником данного человека и сообщил его родственникам, что видел «исчезнувшего» в помещениях прокуратуры. Это последнее, что родственники о нем слышали.

Также возросло количество жалоб на правоохранительные органы в связи с незаконным содержанием под стражей. Со временем методы борьбы с так называемыми ваххабитами стали более жестокими. Теперь люди в масках стали насильно заталкивать человека в машину и увозить его в неизвестном направлении, где его избивают, пытаются и принуждают признаться в совершении преступлений, к которым он, как правило, не имеет никакого отношения. Если ему везет, то его отвозят в следственный комитет, где возбуждается уголовное дело на основании предположительно данных им признательных показаний. В других случаях похищенный пропадает без вести.

Обращение в ЕСПЧ в качестве средства правовой защиты – явление для Дагестана новое.

По дагестанским делам пока не вынесено ни одного решения ЕСПЧ: жалобы по ним либо ожидают коммуникации правительству, либо решения о приемлемости. Одно из дагестанских дел, направленных в ЕСПЧ, касается исчезновения Рамазана Умарова, а жалоба по нему была подана в конце 2007 г. (*Умаров и Умарова против России (Umarov and Umarova v Russia, № 2546/08)*).

Согласно материалам уголовного дела, возбужденного в мае 2007 г. прокуратурой Советского района г. Махачкалы (Республика Дагестан), было установлено, что *«28 апреля 2007 г. около 8 часов вечера Р. Умаров был арестован сотрудниками правоохранительных органов в квартире 46 дома 41 по улице Салаватова в Махачкале, вместе с М. Раджабовым и С. Султанбековым, и доставлен в управление по борьбе с организованной преступностью (УБОП) Министерства внутренних дел Дагестана, после чего он исчез и местонахождение его неизвестно»*.

В тот же день по телевидению объявили о задержании группы боевиков, которые готовились взорвать Советский РОВД, и о нахождении большого количества боеприпасов в их квартире. Одним из этих «боевиков» был Рамазан. Двоим другим задержанным было предъявлено обвинение в незаконном хранении оружия и боеприпасов, однако они были оправданы Советским районным судом за отсутствием в их действиях состава преступления и освобождены. На судебном слушании было установлено, что в одной и той же квартире и в одной и той же машине в один и тот же день было проведено два обыска (хотя официально в материалах уголовного дела содержатся сведения только об одном обыске). Во время первого обыска ничего не нашли, однако в ходе второго «обнаружился» целый арсенал боеприпасов и план Советского

РОВД.

10 месяцев спустя следователь, который вел уголовное дело по факту исчезновения Рамазана, все еще не в состоянии установить ни лиц, присутствовавших во время спецоперации, ни лиц, доставивших Рамазана в УБОП. Он не смог даже установить, кто проводил эту специальную операцию и на каком основании.

Когда отец Рамазана приходит к следователю, тот не скрывает своей беспомощности и просит отца обратиться с письменным заявлением о передаче дела другому следователю. Отец Рамазана так и делает, однако заявления отклоняются. Отец полагает, что дело не передается другому, более опытному следователю, потому что власти вполне устраивает отсутствие расследования по делу.

Через несколько дней после исчезновения Рамазана исчезла машина его отца. В ходе уголовного следствия по факту кражи автомобиля нашелся человек, который якобы купил эту машину у Рамазана и управлял ей по фальшивым правам, которые якобы ему тоже дал Рамазан.

По словам охранника, работающего на парковке, где машина была оставлена Рамазаном, 8 мая 2007 г. машина была вскрыта и осмотрена сотрудниками милиции. Вечером того же дня машина исчезла. Вот что говорит сестра Рамазана, *«9 мая 2007 г. около 9.10 вечера незнакомая женщина позвонила моему отцу по мобильному телефону и сказала, что Рамазан у них и мы должны с ней встретиться. Разговор с этой незнакомой женщиной продолжала я. Когда я начала расспрашивать, кто она такая и сказала ей, что я ей не доверяю, женщина передала трубку моему брату, который говорил очень тихо и на своем родном аварском языке. Он сказал отцу, что ему очень плохо и он не знает, где находится и что с ним*

происходит. Мой отец узнал голос своего сына. Неизвестная женщина пояснила, что Рамазан находится в медицинском отделении какой-то исправительной колонии, и что его привезли туда после того, как он был найден без сознания в лесу в Шалинском районе. Женщина сказала, что я и мой отец должны поехать в Гудермес, и пообещала отвести нас к Рамазану. Позднее, в полночь, моему отцу позвонил незнакомый мужчина, который предложил встретиться утром в Гудермесе и поговорить о Рамазане. Отец сказал, что поехать не может, и звонивший тут же

повесил трубку».

Утром 10 мая 2007 г. отцу и сестре Рамазана трижды звонили эти же люди. Им предлагали встретиться в Гудермесе, Хасавюрте и, наконец, в Шалях. В конце концов, ни о чем не удалось договориться. Отец отправился в Гудермес и искал сына во всех медицинских центрах и учреждениях, однако поиски не принесли результатов.

13 мая 2007 г. ему снова позвонил сын и попросил его дать машину людям, которые ему позвонят. Эти люди попросили отца поехать в назначенное ими место в

Кизилюрте. Там он встретился с М. Б. Шириевым и У. А. Умаровым, которые взяли у него 20 тыс. рублей и сказали, что он должен найти Ж. Халилова, сотрудника милиции в Гудермесе, который поможет вернуть Рамазана его отцу. Отец не смог разыскать Ж. Халилова.

У следственных органов имеются номера телефонов, с которых звонили эти неустановленные лица, и информация о лицах, с которыми отец разговаривал о своем сыне, однако никаких мер по прояснению этих фактов не принимается и расследование не проводится.

Нераскрытие материалов и запросы в соответствии с Правилom 33 в делах ЕСПЧ, касающихся ситуации на Северном Кавказе

Григор Аветисян, юрист ЕНРАС-«Мемориал», адвокат, юридическая консультация № 63 Межреспубликанской коллегии Московской областной адвокатской палаты

Юристы, представляющие заявителей в ЕСПЧ по жалобам в отношении Российской Федерации, постоянно сталкиваются с проблемой: как бороться с отказом государства-ответчика раскрывать соответствующие документы (полностью или частично)? Эта проблема особенно очевидна в делах, связанных со следствием по уголовным делам на внутригосударственном уровне (например, в делах об исчезновении или смерти в заключении), где возможность ознакомиться с документацией следственных органов может иметь решающее значение при определении судьбы человека и решении вопроса о том, провело ли государство-ответчик эффективное расследование.

В оправдание своих действий власти Российской Федерации ссылаются на ст. 161 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации, параграф 3 которой гласит: «Данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается».

ЕСПЧ на это ответил, указав, что ст. 161 не препятствует раскрытию документов из незавершенного следствия по уголовному делу, а, скорее, устанавливает процедуру и пределы такого раскрытия. Далее ЕСПЧ указал, что, ссылаясь исключительно на ст. 161 и не указав ни характер нераскрытых материалов, ни основания, на которых, как утверждается, они не могут быть раскрыты,

правительство нарушает ст. 38(1)¹.

Однако этот подход недавно был ослаблен в ряде решений по делам, связанных с ситуацией на Северном Кавказе. В этих делах ЕСПЧ удовлетворил просьбы российского правительства в соответствии с Правилom 33(1) Регламента Суда ограничить публичный доступ к документам, затребованным ЕСПЧ.

Пункт 1 Правила 33 предусматривает, что «доступ ко всем документам, переданным сторонами на хранение в Секретариат, ... является открытым...». Однако пункт 2 того же Правила 33 предусматривает ограничения такого доступа «по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению Председателя Палаты, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы

правосудия». Это Правило основано на положениях ст. 40, п. 2 Европейской Конвенции, которая гласит, что «доступ к документам, переданным на хранение в Секретариат, открыт для публики, если Председатель Суда не примет иного решения».

В нескольких недавних делах, ожидающих в настоящее время рассмотрения, просьбы российского правительства, поданные в соответствии с Правилем 33, были удовлетворены, несмотря на то, что государство-ответчик не объяснило, каким образом его просьба подпадает под сферу действия п. 2 Правила 33. Еще большую озабоченность вызывает то, что, удовлетворяя эти просьбы, сам Суд также не поясняет, каким образом в отсутствие каких-либо доказательств или представлений со стороны правительства-ответчика, ему удалось определить, что одно из указанных в п. 2 Правила 33 условий действительно выполнено.

В отсутствие каких-либо обоснованных аргументов со стороны государства-ответчика либо Суда, которые оправдывали бы применение Правила 33 в этих делах, заявители, как очевидно, оказываются в весьма уязвимом положении, пытаясь бороться с этой вызывающей беспокойство тенденцией. Это также касается дел, в которых Суд в одностороннем порядке удовлетворил некоторые обращения государства-ответчика в соответствии с Правилем 33, даже не обратившись к представителям заявителей с просьбой направить свои представления по этому поводу. Кроме того, представления, направленные от имени заявителя после уведомления о соответствующих решениях впоследствии были отклонены без рассмотрения. Этот подход, как нам представляется, серьезно подрывает двусторонний характер разбирательства в Суде.

В одном из этих дел в просьбе правительства просто говорилось: «предварительное следствие

еще не завершено, и раскрытие материалов дела может нарушить интересы участников следствия», не приводя каких-либо доказательств того, каким образом раскрытие материалов дела (касавшихся расследования по фактам похищения, пыток и убийства сына заявителя агентами государства) может подпадать под какое-либо из ограничений, перечисленных в п. 2 Правила 33. Кроме того, отвечая на довод заявителя о том, что для того, чтобы следствие было эффективным, его выводы должны быть открытыми, российское правительство просто сослалось в общих выражениях на «тайну следствия», которая в определенных обстоятельствах не может быть приравнена к обоснованному утверждению в соответствии с п. 2 Правила 33.

Возможно, что в основе решений ЕСПЧ лежит стремление побудить российские власти предоставить дополнительные материалы (пусть и в конфиденциальном порядке), которые помогут ему надлежащим образом исследовать данные дела. Однако возникает вопрос о том, в какой степени оправдана эта тактика, если оправдана вообще. Даже в тех делах, где просьбы российского правительства в соответствии с Правилем 33 были удовлетворены, проблемы раскрытия не были разрешены, и правительство предоставило лишь те документы, которые можно было раскрыть, «не причиняя ущерба законным интересам сторон». Это означает, что некоторые из материалов, имеющих ключевое значение для установления обстоятельств дела, так и не были раскрыты Суду.

В обоих вышеупомянутых случаях, представители заявителей были в состоянии назвать ЕСПЧ документы, которые следовало приложить к материалам дела в соответствии с запросами ЕСПЧ, однако эти материалы не были приложены, несмотря на их важность для эффективного

рассмотрения дела Судом.

В заключение следует отметить следующее: несмотря на то, что в ряде аналогичных дел ЕСПЧ повторил, что ст. 161 УПК не может использоваться с целью ограничить раскрытие материалов, в то же время представляется, что Суд готов пойти навстречу просьбам правительства, которые, как было показано, не удовлетворяют критериям п. 2 Правила 33. Кроме того, как было показано выше, этот подход не помогает добиться полного раскрытия материалов по делам, связанным с предполагаемой причастностью агентов государства к похищениям, пыткам и убийствам.

Чтобы предотвратить дальнейший подрыв принципов публичного правосудия, особенно в случаях наиболее тяжелых нарушений прав человека, необходимо, чтобы практикующие юристы тщательно изучали любые заявления государства-ответчика, цель которых – ограничить публичный доступ к документам, представляемым в ЕСПЧ. Юристы также должны противостоять любым таким заявлениям или решениям в соответствии с Правилем 33, которые не подкреплены обоснованными доводами и/или доказательствами в соответствии с положениями данного Правила. И наконец, необходимо опираться на основополагающие принципы открытого и публичного правосудия, которые, как нам кажется, ЕСПЧ должен применять не менее тщательно к своему собственному разбирательству, чем к разбирательствам внутри государств, в отношении которых он выносит решения.

1 См. в числе других прецедентов решения по делам *Кукяев против России (Kukayev v Russia)*, № 29361/02, 15/11/07, п. 122 и *Мухеев против России (Mikheyev v Russia)*, № 77617/01, 26/1/06, п. 104.

Политически мотивированные злоупотребления системой уголовной юстиции в государствах-участниках Совета Европы

В июне 2009 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) опубликовала доклад, посвященный теме политически мотивированных злоупотреблений системой уголовной юстиции в четырех государствах-участниках: Великобритании, Франции, Германии и России.

Определения таких злоупотреблений включают в себя дискриминацию, публичные высказывания высокопоставленных представителей исполнительной власти о вине обвиняемого, неточно сформулированные или постоянно меняющиеся обвинения, а также отсутствие независимости суда или органов прокуратуры. В докладе утверждается, что состязательные системы уголовного правосудия, например, как в Великобритании, лучше всего способны противостоять такому вмешательству.

Из четырех рассмотренных стран российская система уголовной юстиции была признана в наибольшей степени подверженной наиболее серьезным политическим злоупотреблениям. Это отчасти вызвано ее структурными особенностями, сохранившимися с советского периода, например преобладающей ролью органов прокуратуры, однако усугубляется такими неофициальными практиками, как «телефонная

юстиция», когда чиновники кремлевской администрации инструктируют судей какое решение им следует вынести по делу.

Пожалуй, наиболее известным примером политического вмешательства является дело «Юкоса». Однако давление на судей с целью вынесения ими обвинительного приговора по делам, поданным органами прокуратуры, и запугивание адвокатов подсудимых в России также были названы в числе серьезных проблем. Враждебное поглощение инвестиционного фонда HSBC/Hermitage и медлительность следствия по делу об убийстве журналистки Анны Политковской были еще двумя поводами для беспокойства.

Однако имели место и знаки положительных изменений в российской системе уголовного правосудия. Признание президентом Медведевым необходимости борьбы с «правовым нигилизмом» в России – обнадеживающее начало. Кроме того, уже был принят целый ряд мер, направленных на сохранение независимости судебной власти; учреждение федерального совета судей и недавно принятые поправки к уголовному кодексу, приводящие его в соответствие с европейскими стандартами, являются двумя наиболее

показательными примерами. За пределами правовой сферы была выделена роль парламента и СМИ в качестве дискуссионных платформ как обнадеживающий знак будущих перемен.

России еще предстоит долгий путь к тому, чтобы обеспечить достаточную прочность системы уголовной юстиции, которая позволяла бы ей противостоять попыткам политического вмешательства. В российской судебной системе необходимо общее «потепление», а также существенные перемены, в том числе большая прозрачность уголовного разбирательства, эффективная защита для адвокатов и справедливая оценка работы судей. Это позволит духу реформ укорениться не только ради гармонии в сотрудничестве с европейскими соседями, но и для того, чтобы Россия не была лишена возможности предавать суду подозреваемых в преступлениях в своих собственных судах из-за сомнений Запада в наличии в стране справедливого разбирательства.

С текстом доклада можно ознакомиться по адресу: http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2009/20090623_abusesJUR_E.pdf.

Грузинско-российский конфликт: испытание для Международного Суда ООН

Фуркат Тишаев, юрист ЕНРАС-«Мемориал»

12 августа 2008 г. Грузия обратилась в Международный Суд ООН с жалобой против Российской

Федерации в связи с вооруженным конфликтом, произошедшим на Кавказе летом 2008 г. В своей жалобе Грузия указывала на нарушения Международной Конвенции о ликвидации всех

форм расовой дискриминации (далее – Конвенция о расовой дискриминации), допущенные Российской Федерацией в процессе военного вмешательства в Южную Осетию и Абхазию начиная с

1990 г. и вплоть до вооруженного конфликта августа 2008 г. Жалоба была подана всего через четыре дня после начала боевых действий между двумя странами, а вслед за ней, 14 августа 2008 г. Грузией была направлена просьба о применении предварительных срочных мер с целью «защиты ее граждан против насильственных дискриминационных действий российских вооруженных сил, действующих в сотрудничестве с соединениями сепаратистов и иностранных наемников». Согласно заявлениям Грузии, продолжение указанных действий представляло собой «неминуемую угрозу нанесения непоправимого ущерба»

В данном контексте применение Конвенции о РД имеет определенные ограничения. Помимо вопроса о расовой дискриминации, данный конфликт также – и в первую очередь – затрагивает серьезные вопросы общего международного публичного права: было ли применение силы Грузией в отношении *de jure* принадлежащих ей, однако *de facto* являющихся независимыми государствами регионов Южной Осетии и Абхазии законным и легитимным в свете международного права? Может ли применение силы грузинской армией рассматриваться как «вооруженное нападение» в значении, придаваемом ему в ст. 51 Устава ООН, как утверждает Россия? Распространяется ли право на самозащиту на военные действия, начатые одним суверенным государством с целью защиты своих граждан, находящихся на территории другого суверенного государства?¹ Если да, то можно ли признать военные действия, предпринятые Россией, соразмерными и адекватными? Была ли законной поддержка, оказанная Россией вооруженным осетинским формированиям, в свете обязательства не вмешиваться

в дела другого государства, возлагаемого на государство обычным международным правом?² И наконец, как быть с двумя универсальными и в то же время противоречащими друг другу принципами международного права – принципом территориальной целостности и правом на самоопределение?

Может показаться, что попытка рассматривать конфликт только в свете Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации перед Международным Судом ООН ограничивает его при рассмотрении данного конфликта проблемами в области прав человека. Эти вопросы, в частности, сформулированы в статьях 2 и 5 Конвенции и включают запрет на любые акты расовой дискриминации, право на неприкосновенность личности, право на свободу передвижения и проживания, а также на защиту имущества. Однако, поскольку ни Россия, ни Грузия не признали обязательной юрисдикции Суда, сделав факультативное заявление³, в настоящем деле, как нам кажется, ст. 22 Конвенции о расовой дискриминации была единственным средством, с помощью которого Грузия могла наделить Международный Суд компетенцией (по крайней мере *prima facie*) разбирать данный спор, тем самым введя рассмотрение этого политического и военного конфликта в правовое русло⁴.

В своей жалобе Грузия утверждала, что во время конфликта местные южно-осетинские ополченцы-сепаратисты вместе с иностранными наемниками, которые находились под руководством и контролем российских властей, осуществляли этнические чистки в отношении грузинского населения, в том числе убийства, насильственное перемещение населения и широкомасштабное уничтожение

имущества. В ответ на это российские власти указали на отсутствие у Суда юрисдикции рассматривать данный конфликт и заявили, что, поскольку оспариваемые факты относятся исключительно к проблемам применения силы, гуманитарного права и территориальной целостности, они не подпадают под сферу действия Конвенции о расовой дискриминации⁵.

Просьба о назначении срочных предварительных мер защиты с которой Грузия обратилась к Международному Суду ООН, была удовлетворена Судом 15 октября 2008 г., однако не только в отношении Российской Федерации. Международный Суд предписал обеим сторонам воздержаться от любых актов расовой дискриминации на территории Южной Осетии, Абхазии и в прилегающих районах Грузии. Суд также распорядился, чтобы обе стороны обеспечили неприкосновенность личности, право на свободу передвижения и проживания, а также защиту собственности перемещенных лиц и беженцев.

Распоряжение Суда о предварительных мерах было принято восемью голосами против семи. Семеро судей, выступивших с совместным несогласным мнением, указали, что действия российских вооруженных сил сами по себе не подпадают под сферу действия положений Конвенции о расовой дискриминации и потому отсутствует «спор» в отношении интерпретации или применения Конвенции. Можно утверждать, что эта двусмысленная ситуация значительно ослабила моральный авторитет распоряжения Суда, несмотря на его формально «обязывающую силу». Кроме того, отсутствие единодушного мнения в самом Суде может поставить под угрозу дальнейшее судебное рассмотрение дела.

К сожалению, сложно представить, что Международный Суд сможет выйти за рамки Конвенции о РД при рассмотрении этого дела и отнесется к нему как к возможности прояснить упомянутые выше проблемы общего международного права, затронутые в ходе конфликта в Южной Осетии. Однако, если бы Международный Суд вновь подтвердил свою позицию относительно проблем, связанных с пределами права на самоопределение и верховенством принципа территориальной целостности (хотя бы в рамках толкования, не носящего

обязательного характера для сторон), это способствовало бы урегулированию не только грузинско-российского конфликта, но и других аналогичных конфронтаций.

Настоящее дело также демонстрирует все большую важность прав человека в международном праве и дает Международному Суду возможность непосредственно рассматривать и интерпретировать содержание этих прав. В своем недавнем распоряжении Суд уже истолковал ст. 2 и 5 Конвенции о расовой дискриминации как имеющие экстерриториальное действие в отношении государствен-

ной стороны в тех случаях, когда эта сторона действует за пределами своей территории.

Разбирательство в Международном Суде проходит медленно: время для подачи первоначальных представлений по этому делу установлено Судом на сентябрь 2009 г. для грузинской стороны, а ответный меморандум Российской Федерации должен быть направлен в Суд в июле 2010 г. Поэтому решения самого Суда в скором времени ожидать не приходится, но, тем не менее, ожидать его будут с большим интересом.

1 Помимо этого, можно утверждать, что массовое предоставление российского гражданства жителям Осетии является недействительным в связи с отсутствием «искренности» или «подлинности» (согласно которым между гражданином и государством должна существовать подлинная и сложная связь – см. об этом, в частности, рассмотренное Международным судом дело *Ноттебом (Лихтенштейн против Гватемалы)*, решение от 6 апреля 1955 г., с. 26 (*Nottebohm case, Liechtenstein v Guatemala, I.C.J. Report 1955*)).

2 Международный Суд установил нарушение

принципа невмешательства во внутренние дела государством, которое поддерживает военную и/или военизированную деятельность на территории другого государства в деле о военной деятельности в Никарагуа (*Никарагуа против США*), решение от 27 июня 1986 г., (см. в частности п. 3 резолютивной части данного решения) (*Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Nicaragua v United States of America, I.C.J. Report 1986*).

3 Факультативное заявление означает, что государство вправе признать в качестве обязательной юрисдикцию Суда во всех последующих правовых спорах, связанных с

любым вопросом международного права (см. ст. 36-2 Статута Международного Суда ООН) (*Statute of the International Court of Justice*).

4 Эта стратегия была весьма эффективной, так как она также позволила Грузии обратиться к Суду с просьбой назначить предварительные меры для того, чтобы, в том числе, прекратить военные действия со стороны России.

5 См. Распоряжение от 15 октября 2008 г.: Просьба о назначении предварительных мер по делу Грузии против Российской Федерации, п. 95. Текст опубликован по адресу: <http://www.icj-cij.org/docket/files/140/14801.pdf>.

Прослушивание телефонных разговоров в Грузии: аспекты, вызывающие беспокойство

Кетеван Абашидзе, юрист программы стратегического ведения судебных дел, Ассоциация молодых юристов Грузии (GYLA)

Недавно рассмотренное дело *Иордачи и другие против Молдовы (Iordachi & Others v Moldova, № 25198/02, 10/2/09)* связано с молдавским законодательством относительно прослушивания телефонных разговоров. Системы уголовного правосудия в Грузии и Молдове весьма схожи. Поэтому в данной статье грузинское законодательство анализируется в свете решения по делу *Иордачи и другие*.

Закон Грузии об оперативно-розыскной деятельности № 1933 от 18 мая 2009 г. устанавливает правовую базу для прослушива-

ния телефонных разговоров. Такое вмешательство является одним из видов оперативно-розыскной деятельности.

В Грузии прослушивание телефонных разговоров допускается в тех случаях, когда судом выдан на него ордер (см. ст. 7(2)(h) Закона об оперативно-розыскной деятельности). В чрезвычайных случаях, когда в результате задержки могут быть уничтожены фактические данные, важные для дела или следствия, или получить такие данные будет невозможно, прослушивание телефона может быть установлено по прокурорскому постановлению с обоснованием такого решения. Однако в подобных обстоятельствах прокурор

обязан обратиться в суд в течение 12 часов с начала прослушивания. Судья же должен дать разрешение или отклонить заявление в течение 24 часов. Если разрешение не дано, полученные данные должны быть уничтожены (ст. 7(4) Закона об оперативно-розыскной деятельности). Информация, полученная в результате прослушивания телефона, хранится в тайне в течение 25 лет (ст. 5(1) Закона об оперативно-розыскной деятельности).

В деле *Иордачи и другие* Европейский Суд постановил, что характер преступлений, который может повлечь за собой выдачу ордера на прослушивание, определен в законодательстве недостаточно ясно: более

половины преступлений, предусмотренных в молдавском уголовном кодексе, подпадают в категорию тех, в отношении которых может быть выдан ордер на прослушивание¹.

Ст. 9 (2) Закона об оперативно-розыскной деятельности предусматривает, что прослушивание телефона может проводиться в связи с преступлениями, срок наказания за которые превышает два года. К этой категории относится более половины преступлений, предусмотренных в уголовном кодексе Грузии.

В деле *Иордачи и другие* Суд выразил озабоченность тем фактом, что оспариваемое законодательство не содержало достаточно точного определения категорий лиц, чьи телефоны могут быть подвергнуты прослушиванию. Суд отметил, что в ст. 156 (1) Уголовного кодекса Молдовы использованы весьма общие выражения при описании таких лиц, и указал, что прослушивание может использоваться в отношении подозреваемого, обвиняемого или иного лица, причастного к совершению какого-либо преступления. Не дается объяснения тому, кто именно подпадает под категорию «иного лица, причастного к совершению преступления»². В Законе об оперативно-розыскной деятельности не определяется полностью круг лиц, чьи телефоны могут быть подвергнуты прослушиванию.

В п. 45 решения по делу *Иордачи и других* Суд выразил озабоченность в связи с тем, что власти Молдовы имели возможность неограниченно обращаться за ордерами на прослушивание и получать их. В соответствии со ст. 8(2), (3) и (4) Закона об оперативно-розыскной деятельности, срок

телефонного прослушивания может быть продлен не более чем на 12 месяцев. Дальнейшее продление срока не допускается. Однако надзор за продлением срока находится в исключительной юрисдикции исполнительных органов власти и не подчиняется судебному надзору. В соответствии со стандартами Европейской Конвенции, орган, выдающий такое разрешение, должен подчиняться контролю судебного или независимого органа³.

Ст. 1 Закона об оперативно-розыскной деятельности перечисляет обстоятельства, в которых могут быть применены оперативно-розыскные меры: защита прав и свобод человека, прав юридических лиц и охрана общественной безопасности. Однако ни одно из этих оснований в статье не определяется. Кроме того, в законодательстве не определяются обстоятельства, в которых лицо может подвергаться риску прослушивания своих телефонных разговоров по любому из этих оснований. Наличие такой неопределенности было признано не совместимым с Европейской Конвенцией⁴.

В процедуре установления прослушивания телефонных разговоров суд играет весьма ограниченную роль. В соответствии со ст. 7, 9 и 20 Закона, роль судьи состоит в том, чтобы выдать ордер или разрешение на прослушивание. В законе отсутствуют положения, требующие ознакомить судью с результатами прослушивания, и от него не требуется пересмотра того, были ли соблюдены требования закона⁵. Напротив, ст. 21 Закона возлагает такие надзорные обязанности на министра юстиции и подчиняющиеся ему органы прокуратуры.

ЕСПЧ установил, что необходима соответствующая степень точности в том, каким образом проверяется информация, полученная в результате прослушивания; также необходима ясность в процедурах, обеспечивающих ее сохранность и конфиденциальность, а также в процедурах по ее уничтожению⁶. В Законе об оперативно-розыскной деятельности соответствующие нормы отсутствуют. В нем содержится лишь упоминание о данных, полученных в результате прослушивания, которые не касаются преступной деятельности лица, но могут скомпрометировать его. Такие данные «не подлежат хранению» и «должны быть немедленно уничтожены» (ст. 6(4) Закона об оперативно-розыскной деятельности).

Ст. 38 (7) Закона Грузии об адвокатуре (№ 976, 20/7/01) предусматривает тайну переговоров между адвокатом и клиентом. Однако порядок исполнения этого положения не предусмотрен. Отсутствует и четкая норма, определяющая, что должно происходить при перехвате телефонного разговора между клиентом и адвокатом⁷.

Таким образом, можно утверждать, что грузинское законодательство о прослушивании телефонных разговоров определено нуждается в ряде поправок с целью приведения его в соответствие со стандартами Европейской Конвенции.

1 *Иордачи и другие против Молдовы (Iordachi & Others v Moldova)*, № 25198/02, 10/2/09, п. 44.

2 Там же.

3 *Думитру Попеску против Румынии, № 2 (Dumitru Popescu v Romania) (No.2)* (№ 71525/01) 26/4/07, п. 61.

4 См. *mutatis mutandis* прим. 2 выше, п. 46.

5 См. *mutatis mutandis* прим. 2 выше, п. 47.

6 См. *mutatis mutandis* прим. 2 выше, п. 48.

7 См. прим. 2 выше, п. 50.

Всеобщий периодический обзор Совета ООН по правам человека: Российская Федерация

В феврале 2009 г. Совет ООН по правам человека рассмотрел ситуацию с соблюдением прав человека в Российской Федерации в рамках Всеобщего периодического обзора (ВПО) – процедуры, в ходе которой раз в четыре года рассматривается положение с правами человека в каждом из государств-членов ООН.

В соответствии с требованиями этого процесса государство представило доклад о положении дел с правами человека в России. В этом докладе излагается юридическая база прав и свобод человека в России, а также достижения и проблемные аспекты в процессе их обеспечения с точки зрения государства. Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека подготовило собственный доклад на основании информации, содержащейся в официальных документах ООН, в которых оценивается соблюдение Россией различных договоров в области прав человека, а также докладов, подготовленных специальными докладчиками.

Также были рассмотрены замечания, представленные 17 заинтересованными сторонами, в первую очередь неправительственными организациями (как российскими, так и международными), об их оценке содействия и защиты прав человека на местах в России. Среди направленных представлений был и документ, подготовленный коалицией, в состав которой вошло 15

российских НПО¹. В этом документе утверждается, что положение с правами человека в России ухудшилось в результате принятия законодательства, ограничивающего фундаментальные права, часто под предлогом соображений безопасности, и уменьшающего степень прозрачности. В докладе отмечается, что взаимодействие с межправительственными организациями становится все менее продуктивным; работа ключевых специальных докладчиков ООН была заблокирована; рекомендации межправительственных организаций не выполняются и не публикуются, а ряд международных договоров в области прав человека до сих пор не ратифицирован.

На основании докладов и обсуждения в Совете по правам человека в ходе Всеобщего периодического обзора в адрес России был сделан ряд рекомендаций, в том числе следующие: присоединиться к Факультативному протоколу к Конвенции против пыток; пересмотреть и улучшить условия содержания в тюрьмах, особенно в местах заключения для несовершеннолетних; продолжать реформирование судебной системы в соответствии с международными стандартами и преодолеть коррупцию; принимать дальнейшие меры по обеспечению безопасности журналистов и правозащитников и предать суду виновных в преступлениях

против них; предоставить доступ на территорию Северного Кавказа делегациям ООН; отменить смертную казнь; содействовать осуществлению права на свободу собраний и поощрять свободное выражение своих взглядов гражданами; полностью соблюсти предварительные меры Международного Суда ООН; обеспечить права этнических меньшинств; а также продолжать бороться с безработицей, социально-экономическим неравенством и социальной ущемленностью.

Ответ России на эти рекомендации был включен в Окончательный доклад. Россия заявила, что готова привести в исполнение большинство рекомендаций, однако некоторые из заинтересованных сторон выражают озабоченность в связи с их исполнением, в первую очередь в свете ограничений на свободу выражения мнения и свободу объединения для журналистов, правозащитников и представителей сексуальных меньшинств, а также враждебной и все ухудшающейся обстановкой в гражданском обществе и не прекращающимися серьезными нарушениями прав человека на Северном Кавказе. Со всеми документами Всеобщего периодического обзора можно ознакомиться по адресу: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/UPR/PAGES/RUSession4.aspx>.

¹ Текст опубликован по адресу: <http://www.memo.ru/2009/02/04/0402091.htm>.

Судебные дела по правам человека

В разделе приводятся избранные решения по значимым недавним делам в области прав человека и по делам, в которых «Мемориал» и EHRAC представляют заявителей.

Дела EHRAC-«Мемориал»

Золотухин против России
(*Zolotukhin v Russia*)

№ 14939/03, 10/02/09

(ЕСПЧ: решение Большой Палаты)

Право не привлекаться к ответственности дважды за одно и то же деяние

Факты

4 января 2002 г. заявитель был доставлен в отделение милиции г. Воронеж-45 с целью установить, как ему удалось провести любовницу на охраняемую территорию военного городка. В отделении милиции он оскорблял и ругался матом на сотрудников и был отведен в кабинет майора К., который составил рапорт об административном правонарушении. Затем заявитель предстал перед судом и был приговорен к аресту на три дня за мелкое хулиганство в соответствии со ст. 158 действовавшего в то время Кодекса об административных правонарушениях (КоАП).

23 января 2002 г. в отношении него было возбуждено уголовное дело по подозрению в совершении 4 января 2002 г. ряда преступлений в отделении милиции, в том числе «хулиганства», которое является преступлением в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 213 Уголовного Кодекса РФ. Приговором Грибановского районного суда от 2 декабря 2002 г. он был оправдан по этому обвинению, т. к. суд счел, что прокуратура не обосновала свои доводы,

однако был признан виновным по другим основаниям.

Приговор вступил в силу после обжалования.

В Европейском Суде заявитель утверждал, что два правонарушения в двух судебных процессах против него имели те же самые существенные элементы, как того требует судебная практика ЕСПЧ (см., например, дело *Франц Фишер против Австрии* (*Franz Fischer v Austria*), № 37950/97, 29/5/01).

Решение

При рассмотрении данного дела Большая Палата пересмотрела практику Европейского Суда по вопросу о том, что можно считать «одним и тем же преступлением» (*idem*) и учла определение '*non bis in idem*', содержащееся в иных международных и национальных правовых инструментах, в том числе в Международном пакте о гражданских и политических правах, праве Европейского Союза, Американской Конвенции о правах человека, Конституции США и в судебных решениях, где применяются эти акты. Затем Суд применил новый критерий '*idem*', анализ которого производится «на фактах, составляющих комплекс конкретных фактических обстоятельств, относящихся к одному и тому же подсудимому и неразрывно связаны между собой во времени и месте, существование которых необходимо доказать для того, чтобы обеспечить осуждение

или возбудить уголовное разбирательство» (п. 84).

Большая Палата постановила, что заявитель подвергся уголовному преследованию на основании одних и тех же фактов, поскольку первое, административное, разбирательство, было сочтено по сути уголовным. Затем Палата рассмотрела, исправило ли оправдание заявителя во втором разбирательстве данное нарушение или лишило ли оно его статуса жертвы, и ответила на этот вопрос отрицательно. Таким образом, было установлено нарушение ст. 4 Протокола 7.

Эминбейли против России
(*Eminbeyli v Russia*)

№ 42443/02, 26/02/09

(ЕСПЧ: решение по существу)
Экстрадиция

Факты

Заявитель, лицо без гражданства азербайджанского происхождения, прибыл в Россию в 1996 г. В августе 2001 г. Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNCHR) ему был присвоен статус беженца и предоставлено право постоянного проживания в Швеции. 10 сентября 2001 г. власти Азербайджана в письме, направленном по факсу, потребовали его ареста. 13 сентября Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев уведомило российские власти о том, что заявителю присвоен статус беженца.

Несмотря на это, 19 сентября заявитель был арестован и заключен под стражу. Он утверждал, что ему не сообщили о причинах его ареста и не дали заверенной копии ордера на арест. Адвокату, которого для него наняло

UNHCR, не разрешили встретиться с ним. 1 октября было подано ходатайство об освобождении заявителя, а 5 октября был, наконец, получен официальный запрос об экстрадиции заявителя в Азербайджан, однако этот запрос был отклонен на основании наличия статуса беженца у заявителя. Было издано распоряжение о немедленном освобождении заявителя, которое, однако, было исполнено лишь 25 октября. Заявитель уехал в Швецию 5 ноября 2001 г. В феврале 2002 г. Дзержинский районный суд признал содержание заявителя под стражей законным, а его последующая жалоба была оставлена без удовлетворения. Заявитель жаловался на нарушения ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность).

Решение

ЕСПЧ постановил, что содержание заявителя было незаконным и произвольным и тем самым нарушило ст. 5(1)(f). В частности, с 19 сентября 2001 г. по 25 октября 2001 г. отсутствовало решение, вынесенное российскими органами прокуратуры или судом о взятии заявителя под стражу. Кроме того, российское внутреннее законодательство содержит положения о защите беженцев от выдворения, а

российским властям было известно о наличии у заявителя статуса беженца. Следовательно, арест был принципиально неправомерным с самого начала. Наконец, срок, прошедший с момента отклонения запроса о выдаче (22 октября) и освобождением заявителя (25 октября), ничем не может быть оправдан.

В отношении ст. 5 (2) Суд постановил, что, поскольку заявитель знал, что его арест был осуществлен с целью экстрадиции в Азербайджан, и был просто «недоволен» тем, что ему не предоставили фактических оснований для обвинений против него в Азербайджане и их правовой характеристики, эта часть его требований является явно необоснованной. Однако жалоба заявителя на невозможность добиться эффективного судебного пересмотра содержания его под стражей, на основании ст. 5 (4), была удовлетворена на том основании, что разбирательство не соответствовало требованиям незамедлительности (поскольку продолжалось около пяти месяцев с момента подачи ходатайства об освобождении до вынесения окончательного решения).

Халитова против России
(*Khalitova v Russia*)
№ 39166/04, 05/03/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь

11 сентября 2000 г. муж заявительницы был убит в результате того, что вооруженные люди на двух БМП открыли огонь по

сельскохозяйственным полям неподалеку от села Гойское (Чечня). Очевидцы утверждали, что эти вооруженные люди были российскими военнослужащими. Заявительница обратилась в Европейский Суд с жалобами по ст. 2 (право на жизнь) и ст. 13 (право на эффективное средство защиты). ЕСПЧ установил нарушение ст. 2 в отношении гибели мужа заявительницы, на основании признания правительством того, что обстоятельства этого происшествия полностью соответствовали описаниям очевидцев, и отсутствия какого-либо другого объяснения. На основании этого ЕСПЧ сделал вывод, что за гибель мужа заявительницы несет ответственность государство. Также, в связи с тем, что расследование обстоятельств гибели мужа заявительницы не было проведено эффективно и надлежащим образом, было установлено нарушение ст. 2 и 13, рассмотренных совместно. Заявительнице было присуждено 35 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Сухов против России
(*Sukhov v Russia*)
№ 32085/03, 18/06/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Длительность
разбирательства

Факты

21 июля 1997 г. заявитель был арестован по подозрению в получении взятки. На следующий день в отношении него было возбуждено уголовное дело по обвинению в получении взятки с отягчающими обстоятельствами, и был выдан ордер о взятии

его под стражу. 22 января 1998 г. заявитель был освобожден под подписку о невыезде, обязавшись не покидать пределов поселка Сертолово Ленинградской обл. С 22 января 1998 г. по 10 февраля 2005 г. разбирательство несколько раз приостанавливалось, возобновлялось и вновь откладывалось. Задержки происходили по разным причинам и по вине обеих сторон. 10 февраля 2005 г. заявитель был признан виновным в получении взятки и приговорен к двум годам тюремного заключения. Однако он был освобожден от отбывания наказания на основании истечения срока давности. Приговор был оставлен в силе Верховным Судом РФ 21 июля 2005 г.

Решение

ЕСПЧ постановил, что в деле было допущено нарушение ст. 6 п. 1 (право на справедливое разбирательство) Европейской Конвенции. Европейский Суд счел, что в настоящем деле длительность уголовного разбирательства, продолжавшегося примерно семь лет и три месяца, не соответствует требованию рассмотрения в «разумный срок». Хотя Европейская Конвенция вступила в силу в отношении России только 5 мая 1998 г., ЕСПЧ постановил, что при оценке разумности срока, прошедшего с той поры, необходимо учитывать состояние разбирательства на момент вступления в силу Конвенции.

Европейский Суд вновь перечислил критерии, на которые следует обращать

внимание при оценке разумности срока разбирательства, к которым относятся сложность дела и поведение заявителя и соответствующих органов власти. Это дело не представляло никакой сложности. Кроме того, несмотря на то, что из-за неявки заявителя или его адвоката на некоторые слушания разбирательство затянулось на десять недель, это был ничтожный срок по сравнению с его общей продолжительностью. В разбирательстве были длительные периоды бездействия, за которые несут ответственность власти и которым не было предоставлено удовлетворительного объяснения. К таким периодам бездействия, в том числе, относятся: совокупная задержка приблизительно в 2,5 года из-за «плохо проведенного расследования»; произвольные решения следственных органов о приостановлении разбирательства; неявка свидетелей со стороны обвинения, по крайней мере, на пять слушаний, а также изменение в составе суда более чем через три года после начала рассмотрения, в результате чего рассмотрение пришлось начинать заново.

Царьков против России
(*Tsarkov v Russia*)
№ 16854/03, 16/07/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на свободу и личную неприкосновенность

Заявитель жаловался на нарушения ст. 5 Европейской Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность) в связи с тем, что срок его

предварительного заключения длился более четырех лет. Европейский Суд постановил, что Россия нарушила ст. 5 п. 1, поскольку не соблюла установленный Судом стандарт «качества закона», не определил временной предел содержания заявителя под стражей. Также ЕСПЧ установил нарушение ст. 5 п. 3, поскольку срок предварительного заключения заявителя превысил «разумное время», а основания, приведенные властями для продления этого срока, были недостаточны для того, чтобы оправдать столь длительный период содержания под стражей.

Алаудинова против России
(*Alaudina v Russia*)
№ 32297/05, 23/04/09
Магомадова против России
(*Magomadova v Russia*)
№ 2393/05, 18/07/09
Муцаева против России
(*Mutsayeva v Russia*)
№ 24297/05, 23/07/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Исчезновение

В делах Алаудиновой и Магомадовой российские военнослужащие увезли сыновей заявительниц из их домов в г. Урус-Мартане (Чечня). Это произошло 8 ноября 2001 г. и 12 апреля 2002 г. соответственно. В деле Муцаевой сын заявительницы был задержан российскими военнослужащими 27 августа 2001 г. в центре Урус-Мартана. Свидетели также видели, что перед задержанием солдаты его избивали. Во всех трех делах заявительницы, несмотря на поиски и обращения в различные официальные органы, не могли

установить, где находятся их сыновья и что с ними случилось. ЕСПЧ постановил, что после задержания российскими военнослужащими следует считать, что жертв нет в живых, а ответственность за их гибель несет государство, тем самым нарушившее ст. 2 (право на жизнь) ЕКПЧ. Неспособность российских органов власти провести эффективное расследование по факту всех этих исчезновений представляет собой дальнейшее нарушение ст. 2; это также может быть приравнено к лишению заявителей эффективных средств защиты на внутригосударственном уровне, что является нарушением ст. 13. ЕСПЧ постановил, что страдания заявителек, вызванные исчезновением их сыновей, представляют собой результат бесчеловечного обращения с ними, в нарушение ст. 3. То, что содержание сыновей под стражей осталось не признанным властями, является нарушением ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность). В каждом из этих дел заявителям было присуждено по 35 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Другие дела ЕСПЧ

Грузия против России (№ 1)
(*Georgia v Russia, No. 1*)
№ 13255/07, 03/07/09
(ЕСПЧ: решение о приемлемости)
Коллективное выдворение иностранных граждан

26 марта 2007 г. правительство Грузии направило в Европейский Суд по правам человека

жалобу в отношении Российской Федерации по ст. 33 ЕКПЧ (межгосударственные жалобы). Грузинское правительство заявляло о конкретных и продолжающихся нарушениях Европейской Конвенции в результате предполагаемого преследования иммигрантов грузинского происхождения в России: после ареста в Тбилиси 27 сентября 2006 г. четверых российских офицеров по подозрению в шпионаже против Грузии. Жалоба была подана в соответствии со следующими положениями Конвенции: ст. 3 (запрет бесчеловечного и унижающего обращения), ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни), ст. 13 (право на эффективное средство защиты), ст. 14 (запрет дискриминации), ст. 18 (пределы использования ограничений в отношении прав); ст. 1 (защита собственности) и 2 (право на образование) Протокола 1; ст. 4 (запрет на коллективную высылку иностранных граждан) Протокола 4 и ст. 1 (процедурные гарантии в случае высылки иностранцев) Протокола 7. 3 июля 2009 г. ЕСПЧ признал данную жалобу приемлемой.

Гавтадзе против Грузии
(*Ghavitadze v Georgia*);
Погосян против Грузии
(*Poghosyan v Georgia*)
№ 23204/07, 03/03/09; №
9870/07, 24/02/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Условия тюремного заключения и медицинская помощь

Факты

Эти дела касаются двух заключенных, отбывающих сроки наказания в грузинских

тюрьмах. Заявители больны гепатитом С и оба страдают от отсутствия адекватной и эффективной медицинской помощи в заключении и условий содержания в тюрьме, которые способствуют передаче заболеваний. Гавтадзе был приговорен к тюремному заключению, которое он отбывает в тюрьме № 5 в Тбилиси. В заключении он заразился многочисленными серьезными заболеваниями, в частности гепатитом С и туберкулезом, однако госпитализирован был только тогда, когда симптомы заболеваний обострились до предела. Погосян был направлен в тюрьму № 6 в Рустави. После удаления у него кисты его адвокат обнаружил, что заявитель заразился гепатитом С, и направил несколько обращений начальнику тюрьмы с просьбой провести гематологическое обследование в тюремной больнице, которые не были удовлетворены.

Решение

В деле Гавтадзе ЕСПЧ единогласно установил нарушение ст. 3 (бесчеловечное и унижающее обращение) в связи с задержкой в госпитализации заявителя, неадекватностью медицинской помощью и ужасными условиями содержания в тюрьме. Кроме того, Суд указал, что заявителя следует поместить в учреждение, в котором ему может быть оказана надлежащая медицинская помощь.

В деле Погосяна ЕСПЧ постановил, что нарушения ст. 3 относительно послеоперационного ухода за

ним в тюрьме не было, поскольку такой уход осуществлялся старательно. Однако отсутствие медицинской помощи после заражения гепатитом С представляет собой нарушение той же статьи. В этой связи ЕСПЧ отметил, что простого обследования и постановки диагноза недостаточно для охраны здоровья заключенного, и что чрезвычайно важно оказывать ему необходимую помощь при постоянном медицинском наблюдении. Также неприемлемым является игнорирование постоянных просьб заявителя о лечении.

Комментарий

Отметив, что на его рассмотрении находится около сорока аналогичных жалоб, ЕСПЧ пришел к выводу о наличии системной проблемы, касающейся назначения адекватного медицинского обслуживания заключенных, зараженных гепатитом С. В соответствии со ст. 46 (обязательный характер и исполнение решений), ЕСПЧ призвал правительство Грузии срочно принять законодательные и административные меры с целью разрешения данной проблемы, в том числе обеспечить медицинские осмотры согласно предложениям, содержащимся в докладах Комитета по предупреждению пыток и Всемирной организации здравоохранения, которые обеспечили бы применение более адекватного и эффективного ухода.

*Кудешкина против России
(Kudeshkina v Russia)
№ 29492/05, 26/02/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Свобода выражения мнения*

Факты

Заявительница была судьей Московского городского суда (Мосгорсуда) и была назначена рассматривать резонансное дело в отношении следователя Павла Зайцева, обвинявшегося в превышении должностных полномочий. Прокурор несколько раз вмешивался в процесс проведения разбирательства, в том числе на основании предвзятости заявительницы как судьи, а также заседателей, участвовавших в рассмотрении дела. Заявительница была вызвана к председателю Мосгорсуда, где ей пришлось отвечать на вопросы относительно того, как она ведет разбирательство. После этого она была отстранена от ведения дела. Спустя несколько месяцев заявительница выставила свою кандидатуру на выборах в Государственную Думу Российской Федерации, и исполнение ею судейских обязанностей до выборов было приостановлено. Во время своей избирательной кампании она делала заявления в СМИ, в которых критиковала российскую судебную систему в целом и ведение дела Зайцева в частности. Она также обратилась с жалобой на председателя Мосгорсуда за оказание на нее незаконного давления, во время ведения дела Зайцева. Заявительница не была избрана и была восстановлена в должности судьи, однако, в отношении нее

было начато дисциплинарное расследование на основании ее высказываний во время избирательной кампании. В дальнейшем она была уволена со своей должности московской квалификационной комиссией судей, в том числе на том основании, что она допускала ложные высказывания о судебной власти, которые могли подорвать доверие населения к судебной системе. Заявительница утверждала, что подобное обращение с ней является нарушением ее прав по ст. 10 (свобода выражения мнения).

Решение

ЕСПЧ постановил четырьмя голосами против трех, что в деле имело место нарушение ст. 10 ЕКПЧ. Суд пришел к выводу, что, несмотря на решения, принятые на внутригосударственном уровне, заявительнице удалось выдвинуть фактические обоснования своей критики в адрес судебной системы. ЕСПЧ указал, что функционирование судебной системы является вопросом, представляющим общественный интерес. Он повторил в очередной раз, что представители судебной власти играют в обществе особую роль и успех ее функционирования зависит от доверия, которым она пользуется в обществе. Однако далее Суд указал, что критика заявительницы поднимает весьма важный вопрос общественного интереса, который должен быть открыт для свободного обсуждения в демократическом обществе, и далее отметил особую значимость, которая придается возможности беспрепятственной реализации свободы слова

кандидатами на выборах. ЕСПЧ постановил, что увольнение заявительницы с должности судьи было несоразмерно суровым наказанием, которое было способно оказать сдерживающее воздействие на судей, желающих участвовать в публичной дискуссии об эффективности судебных институтов. Г-же Кудешкиной было присуждено 10 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Рамишвили и Кохреидзе против Грузии
(*Ramishvili & Kokhreidze v Georgia*)
№ 1704/06, 27/01/09
(ЕСПЧ: решение по существу)
Условия тюремного заключения, право на свободу и личную неприкосновенность

Факты

Рамишвили и Кохреидзе были сооснователями и акционерами медиакомпании, которой принадлежала телестанция, осуществлявшая вещание в Тбилиси. Первый заявитель был также ведущим популярного ток-шоу. Оба они были арестованы в августе 2005 г. и обвинены в вымогательстве взятки в обмен на то, чтобы не пускать в эфир компрометирующий документальный сюжет об одном из членов парламента, предположительно замешанном в коррупции. 29 августа 2005 г. заявители были арестованы в соответствии с ордером, выданным судом, и взяты под стражу на три месяца, однако оставались в заключении без какого-либо распоряжения с 29 ноября 2005 г. по 13 января 2006 г. В ходе различных слушаний оба заявителя

находились в зале на скамье подсудимых, которая была зарешечена и весьма напоминала металлическую клетку, в окружении людей в масках и с автоматами. Кроме того, они почти не могли общаться со своими адвокатами или как следует слышать прокурора или судью, а их собственных заявлений тоже почти не было слышно из-за шума в зале заседания. Оба заявителя жаловались на то, что обращение с ними во время судебных заседаний было унижающим в значении ст. 3. Первый заявитель также жаловался по ст. 3 в отношении условий его содержания в карцере. Второй заявитель жаловался на переполненность его камеры, где 29-35 человек вынуждены были делить между собой 12 спальных мест. Оба заявителя обратились с просьбой о судебном пересмотре их содержания под стражей и обжаловали справедливость и быстроту этого разбирательства.

Решение

ЕСПЧ подверг правительство Грузии жесткой критике за сомнительные стандарты судебного разбирательства и постановил, что заключение обоих заявителей было «бесчеловечным и унижающим» и тем самым нарушило ст. 3 ЕКПЧ. Что касается самого разбирательства, то ЕСПЧ установил еще одно нарушение ст. 3, придя к выводу, что «применение таких жестких и унижительных мер» не может быть оправдано, и отметил, что «правительство никак не обосновало необходимость помещения заявителей в клетку на скамье подсудимых».

Также ЕСПЧ установил нарушение ст. 5 (1)(с) на основании отсутствия судебного постановления о предварительном заключении заявителей на срок, превышающий первые три месяца. Кроме того, Суд осудил то, каким образом проводилось слушание в ходе судебного пересмотра, указав, что «такие унижительные и неоправданно жесткие меры сдерживания во время открытого слушания... запятнали презумпцию невиновности» в нарушение ст. 5(4). Суд также постановил, что данное слушание не только не удовлетворило потребность в незамедлительном вынесении решения в соответствии со ст. 5(4), но и не отвечало фундаментальным требованиям к справедливому разбирательству. Так, Суд отметил: «нельзя сказать, что суд выглядел независимым, с учетом того, что агенты правительства, со всей очевидностью, в большей степени контролировали ситуацию в зале суда, чем судья». Заявителям было присуждено по 6 тыс. евро в порядке компенсации нематериального ущерба. После решения ЕСПЧ тюрьма № 5, где содержались оба заявителя, была закрыта властями в мае 2009 г. Кохреидзе был помилован президентом и освобожден 26 мая 2007 г. Рамишвили, отбыв срок заключения, был освобожден в августе 2009 г.

Нальчик: нерасследование заявлений о применении пыток

Татьяна Черникова, юрист
EHRAAC-«Мемориал»

13 октября 2005 г. было осуществлено вооруженное нападение против нескольких правоохранительных и военных органов России в Нальчике, столице Кабардино-Балкарской республики. 58 лицам были предъявлены обвинения в отношении этого нападения в ходе судебного процесса, который в настоящее время проводится в Нальчике. Данное дело хорошо иллюстрирует трудности, с которыми сталкиваются расследования, связанные с предположительным применением пыток в России.

Почти все подсудимые по нальчикскому делу направили жалобы в национальные суды о применении к ним пыток. Они утверждают, что их пытали представители правоохранительных органов с целью заставить признаться в том, что они участвовали в нападении и дать показания против других подсудимых. Эти свидетельства являются основными доказательствами по делу, так как большинство подсудимых не было арестовано на месте нападения и, следовательно, нет прямых доказательств их участия в нем.

Подсудимые жалуются на применение к ним электрошока, иногда в сочетании с водой, удушением, избиениями прикладами автоматов, кулаками, дубинками, другими тяжелыми предметами, а также ногами. Подсудимых били по различным частям тела, в том числе по голове, лицу, плечам и спине. Некоторые из них

теряли сознание. Сотрудники милиции также угрожали убить подсудимых или применить насилие к их родственникам. Иногда пытки продолжались много часов и повторялись на протяжении длительного времени.

Среди доказательств применения пыток особую роль играют документы о медицинском обследовании. В этих документах, как правило, устанавливается наличие таких повреждений, как многочисленные синяки и ссадины на различных частях тела, в том числе на лице, вызванные ударами, которые были нанесены твердыми тупыми предметами, а также кровотечений. Однако, по словам заявителей, не все телесные повреждения были отмечены в документах о медицинском освидетельствовании, а иногда, даже если они были зарегистрированы, в документах не отражена тяжесть этих повреждений. Однако в соответствии с правоприменительной практикой Европейского Суда, в случае телесных повреждений под стражей, власти обязаны объяснить, каким образом они были получены. Например, Европейский Суд поддержал эту позицию в делах *Томаши против Франции* (*Tomashi v France*), № 12850/87, 27/8/92, пп. 108-111; *Рибич против Австрии* (*Ribitsch v Austria*), № 18896/91, 4/12/95, пп. 34; и *Сельмуни против Франции* (*Selmouni v France*), № 25803/94, 28/7/99, пп. 87).

Кроме того, собственные свидетельства подсудимых о

примененных к ним пытках часто подтверждаются показаниями, данными другими лицами содержащимися под стражей, которые были свидетелями пыток, применяемых к другому заключенному, находясь с ним в одной камере, или если они переводились вместе в различные учреждения предварительного заключения для допроса. Иногда задержанные говорят, что слышали происходившее избиение и крики жертв, доносившиеся из их камер.

Кроме того, в подобных делах в качестве доказательств могут использоваться свидетельства родственников или соседей жертв, которые видели применение силы против подсудимых при их аресте и кому подсудимые могли рассказать о применении пыток под стражей. Эти лица также могут засвидетельствовать, что до ареста телесных повреждений у жертв не было.

Юристы «Мемориала» полагают, что после ареста подсудимых власти не соблюли основных гарантий в отношении применения пыток, в том числе, не предоставили им немедленный доступ к адвокатам и родственникам. Например, некоторые из задержанных получили возможность воспользоваться юридической помощью лишь через несколько дней после ареста, и у подсудимых было очень мало возможностей видеться с родными и близкими. Подсудимых часто отправляли в следственные изоляторы, где, согласно сообщениям,

часто применяются пытки, в частности в Центр Т - специальный центр для лиц, обвиняемых в террористической деятельности. Кроме того, власти не зарегистрировали арест подсудимых надлежащим образом. Иногда зарегистрированная дата ареста приходилась на несколько дней после даты, в которую, как указывают свидетели, человек действительно был арестован.

Подсудимые направили несколько жалоб на применение пыток в городскую прокуратуру Нальчика. Однако прокуратура упорно отказывается возбуждать по этим жалобам уголовное дело. В некоторых заявлениях, даже конкретно указывается, каких именно следственных мер подсудимые требуют от властей, например допроса потерпевших, их родственников, других заключенных и сотрудников милиции, подозреваемых в применении пыток. Однако власти этих мер не принимают. После того, как жалобы были оставлены без удовлетворения прокуратурой, подсудимые направили жалобы, на бездействие органов прокуратуры, в Нальчикский городской суд.

Поведение прокуратуры в этой связи заставляет предположить намеренную попытку воспрепятствовать осуществлению подсудимыми своего права на эффективное средство правовой защиты на внутригосударственном уровне. В ряде случаев за день до предполагаемой даты слушания судом жалоб подсудимых на отказ прокуратуры в возбуждении дела прокуратура выносила новое решение об

отмене обжалуемого решения. В этом случае суды отклоняли жалобы заявителей на том основании, что решение, являвшееся предметом жалобы, уже было отменено. Несколько дней спустя прокуратура выносила новое решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Затем цикл повторялся снова, и это одна из причин утверждать, что в нальчикских делах национальные средства защиты неэффективны.

Таким образом, несколько подсудимых направили жалобы в Европейский Суд, утверждая о нарушении ст. 3 (запрет пыток) и 13 (право на эффективное средство защиты) Европейской Конвенции. Юристы, подающие такие дела в ЕСПЧ, сталкиваются со следующей проблемой: как установить момент, с которого национальные средства защиты становятся неэффективными, и, следовательно, с какого момента отсчитывается шестимесячный срок для подачи жалобы в Европейский Суд. В настоящее время некоторые юристы направили жалобы в ЕСПЧ начиная с даты третьего отказа прокуратуры в возбуждении уголовного дела и двух решений городского суда. Другие решили подождать до четвертого отказа прокуратуры (и трех решений городского суда). Само собой разумеется, что количество решений менее важно, чем довод о том, что упорное применение прокуратурой вышеописанной практики в этих делах демонстрирует отсутствие на практике у заявителей каких-либо эффективных средств защиты.

Другой трудностью при подготовке жалоб в Европейский

Суд по этим делам является то, что адвокаты, назначенные подсудимым сразу же после ареста, были заменены другими представителями. Поэтому новым представителям не всегда легко получить доступ к важной информации и материалам, которые касаются применения пыток к заявителям на ранней стадии разбирательства. Юристы, в настоящее время представляющие подсудимых по уголовному делу, в основном защищают их в отношении обвинений, связанных с нальчикским нападением, и не всегда располагают полной информацией об их жалобах на применение пыток. Также важно отметить, что только нынешние адвокаты подсудимых и их родственники имеют право свиданий с подсудимыми, а не те адвокаты, которые ранее подавали жалобы на применение пыток.

Успех разбирательства в ЕСПЧ в таких делах будет зависеть, в том числе, от возможности не только получить доступ к доказательствам применения пыток под стражей, но и подать все необходимые жалобы на национальном уровне как в связи с самими фактами применения пыток, так и с отказом их расследовать. Несмотря на трудности, сопряженные с таким рассмотрением, следует надеяться, что внимание, которое привлекут эти дела, поможет обеспечить, чтобы жалобы на пытки не остались без расследования, даже если, в конце концов, какое-то возмещение жертвам предоставит ЕСПЧ, а не национальная судебная система.

Информация об ЕНРАС

Европейский центр защиты прав человека (ЕНРАС) создан в 2003 г. при Лондонском университете Метрополитан с целью оказания содействия юристам, частным лицам и неправительственным организациям (НПО) в Российской Федерации и Грузии в обращении в Европейский Суд по правам человека, а также передачи навыков и повышения потенциала местного правозащитного сообщества и информирования о нарушениях прав человека в этих странах.

В настоящее время в производстве ЕНРАС находится около 250 дел, затрагивающих более чем 800 непосредственных жертв и их ближайших родственников. Эти дела поднимают в том числе такие проблемы, как внесудебные казни, дискриминация по этническому признаку, исчезновения, загрязнение окружающей среды и уголовная юстиция. Помимо работы в рамках официальных партнерств (см. ниже) ЕНРАС сотрудничает с Комитетом по правам человека Коллегии адвокатов Англии и Уэльса и с многочисленными НПО, юристами и частными лицами в странах бывшего Советского Союза. Более подробную информацию см. по адресу: www.londonmet.ac.uk/ehrac.

Стажировки

В офисах ЕНРАС в Лондоне и Москве возможно прохождение стажировки юридического и общего характера. В зависимости от подготовки и навыков стажера работа может включать в себя помощь в ведении дел, подготовку обзоров, сбор и подготовку учебных материалов, проведение исследований, фандрайзинг, написание информационных материалов, работу с прессой и основные административные обязанности. К сожалению, ЕНРАС не в состоянии предоставить оплачиваемую стажировку, однако дает возможность получить ценный опыт правозащитной деятельности и работы в НПО. За дополнительной информацией или с заявлениями обращайтесь к нам по электронной почте.

ЕНРАС благодарит авторов материалов, опубликованных в этом номере:

Кетеван Абашидзе, Григора Аветисяна, Николая Алексева, Кэти Баррас, Надю Волкову, Баканай Гусейнову, Кирилла Коротеева, Пенни Кросс, Сенай Нихат, Фурката Тишаева, Дэвида Трумэна, Тома Уотсона, Хелен Фут, Крэйга Хэтчера, Татьяну Черникову, Лору-Полин Эдкок. Этот номер подготовили Тина Девадасан, Филип Лич, Кирсти Стюарт и Джоанна Эванс. Дизайн подготовлен Torske & Sterling Legal Marketing. Перевод большинства материалов – Татьяна Томаева.

Проект ЕНРАС-GYLA

ТБИЛИСИ
Главный офис GYLA
ул. Крылова, 15, 0102
Тел.: +995 (32) 93 61 01
Факс: +995 (32) 92 32 11
www.gyla.ge

Натия Кацитадзе, юрист
Прямой телефон: +995 (32) 95 23 53
E-mail: katsitadze@gyla.ge

Проект ЕНРАС-«Статья 42»

ТБИЛИСИ
ул. Шевченко, 12, 0108
Тел.: +995 (32) 99 88 56
Факс: +995 (32) 93 28 59
www.article42.ge
E-mail: office@article42.ge

«ЕНРАС бюллетень»
Учредитель: Межрегиональная общественная организация Правозащитный центр «Мемориал»
Гл. ред.: Касаткина Т.И.
Выпуск 2(5) от 7 декабря 2009 г.
Тираж: 2 250 экз.
Распространяется бесплатно
Адрес редакции и учредителя: 127051, г. Москва, М. Каретный пер., д. 12
Отпечатано в типографии ООО «Алькор-4»: 11024, Москва, Шоссе Энтузиастов, 9а
Номер заказа:
ЕНРАС бюллетень зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-30927 от 18 января 2008 г.

Бюллетень ЕНРАС выходит дважды в год. Мы приветствуем статьи, информацию и идеи. Статьи для публикации следует направлять в ЕНРАС по электронной почте. Материалы бюллетеня можно перепечатывать без получения предварительного разрешения. Однако во всех перепечатках следует делать ссылку на ЕНРАС и направлять нам копию издания.

Проект ЕНРАС-«Мемориал»

В партнерстве с «Мемориалом» ЕНРАС работает с 2003 г. «Мемориал» — это одна из старейших и наиболее уважаемых правозащитных организаций России. Совместная деятельность ЕНРАС и «Мемориала» осуществляется в трех основных сферах: ведение судебных дел по правам человека, обучение в области прав человека и распространение информации.

Проект ЕНРАС и Ассоциации молодых юристов Грузии

В начале 2006 ЕНРАС оформил партнерство с пользующейся заслуженным уважением неправительственной организацией — Ассоциацией молодых юристов Грузии (GYLA). В рамках этого совместного проекта предусмотрено ведение дел в Европейском Суде по правам человека и проведение обучающих семинаров в Грузии, а также участие делегата от Ассоциации в программе ЕНРАС по повышению юридической квалификации в Лондоне и Страсбурге.

Проект ЕНРАС-«Статья 42»

В 2008 г. ЕНРАС оформил сотрудничество с грузинской НПО «Статья 42 Конституции». ЕНРАС оказывает этой организации поддержку в подготовке дел для Европейского Суда с 2006 г. Юристы «Статьи 42» также посетили учебные семинары, проводимые ЕНРАС в Грузии и участвовали в программе ЕНРАС по повышению юридической квалификации.

Контактная информация ЕНРАС

Офис ЕНРАС в Лондоне

European Human Rights Advocacy Centre
London Metropolitan University
LH 222, Ladbroke House
62-66 Highbury Grove, London N5 2AD
United Kingdom
www.londonmet.ac.uk/ehrac

Проф. Филип Лич, директор
Тел.: +44 (0)20 7133 5111
E-mail: p.leach@londonmet.ac.uk

Тина Девадасан, менеджер проекта
Тел.: +44 (0)20 7133 5087
E-mail: ehrac@londonmet.ac.uk

Джоанна Эванс, старший юрист
Тел.: +44 (0)20 7133 5258
E-mail: joanna.evans@londonmet.ac.uk

Оксана Попова, администратор
Тел.: +44 (0)20 7133 5090
E-mail: o.popova@londonmet.ac.uk

Кирсти Стюарт, сотрудник по вопросам развития и связей с общественностью
Тел.: +44 (0)20 7133 5156
E-mail: k.stuart@londonmet.ac.uk

Проф. Билл Бауринг, Председатель
Международного наблюдательного комитета
Тел.: +44 (0)20 7631 6022
Моб.: +44 (0)781 048 3439
E-mail: b.bowring@bbk.ac.uk

Проект ЕНРАС-«Мемориал»

127057, Москва, М. Каретный пер., д 12

Тел.: +7 (495) 225 3117
Факс: +7 (495) 624 2025
Сайт: <http://ehracmos.memo.ru>

Татьяна Ивановна Касаткина,
исполнительный директор
E-mail: memhrс@memo.ru

Наталья Соколова, координатор проекта
E-mail: admin@ehrac.memo.ru

Юристы проекта ЕНРАС «Мемориал»:

Надежда Деева, deeva@ehrac.memo.ru
Фуркат Тишаев, tishaev@ehrac.memo.ru
Татьяна Черникова, chernikova@ehrac.memo.ru

Кирилл Коротеев, юридический консультант
E-mail: koroteev@ehrac.memo.ru

Иса Гандаров (офис в Назрани)
386100, Ингушетия, Назрань,
ул. Моталиева, 46
Тел./Факс: +7 (8732) 22 23 49
E-mail: isa@southnet.ru

Баканай Гусейнова (офис в Махачкале)
Тел.: +7 (928) 876 44 41
E-mail: bakanai@mail.ru

Докка Ицлаев (офис в Урус-Мартане)
Чеченская Республика, Урус-Мартан,
ул. Кадырова, 33, кв. 4
Тел./Факс: +7 (87145) 2 22 26
E-mail: dokka@mail.ru

Ольга Цейтлина (офис в Санкт-Петербурге)
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 12, кв. 42
Тел.: +7 (812) 327 35 09
Факс: +7 (812) 279 03 71
E-mail: oosipova@hotmail.com